

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

МАЛЫШ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
М. Ш.

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

МАЛЫШ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
М. Ш.

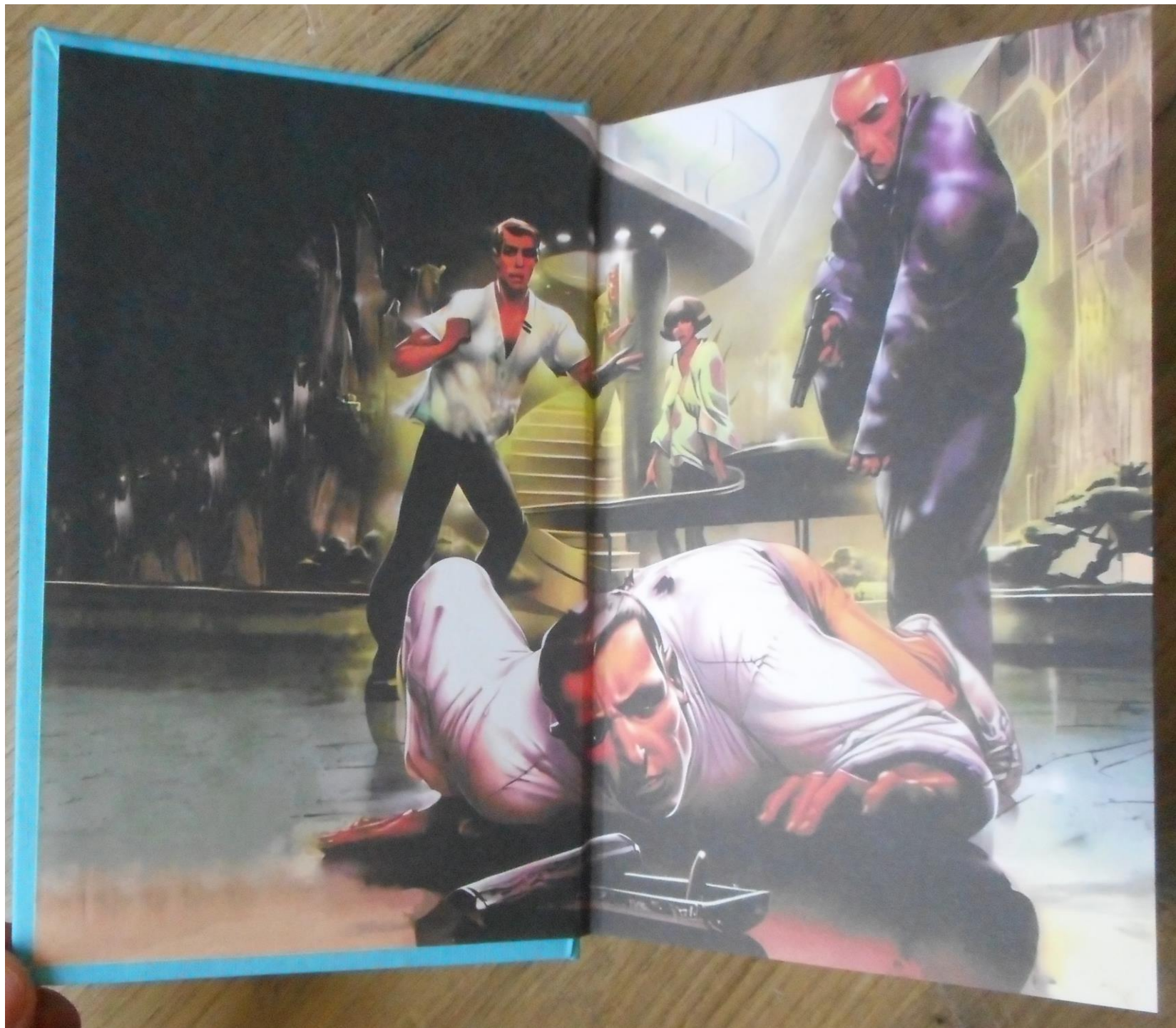

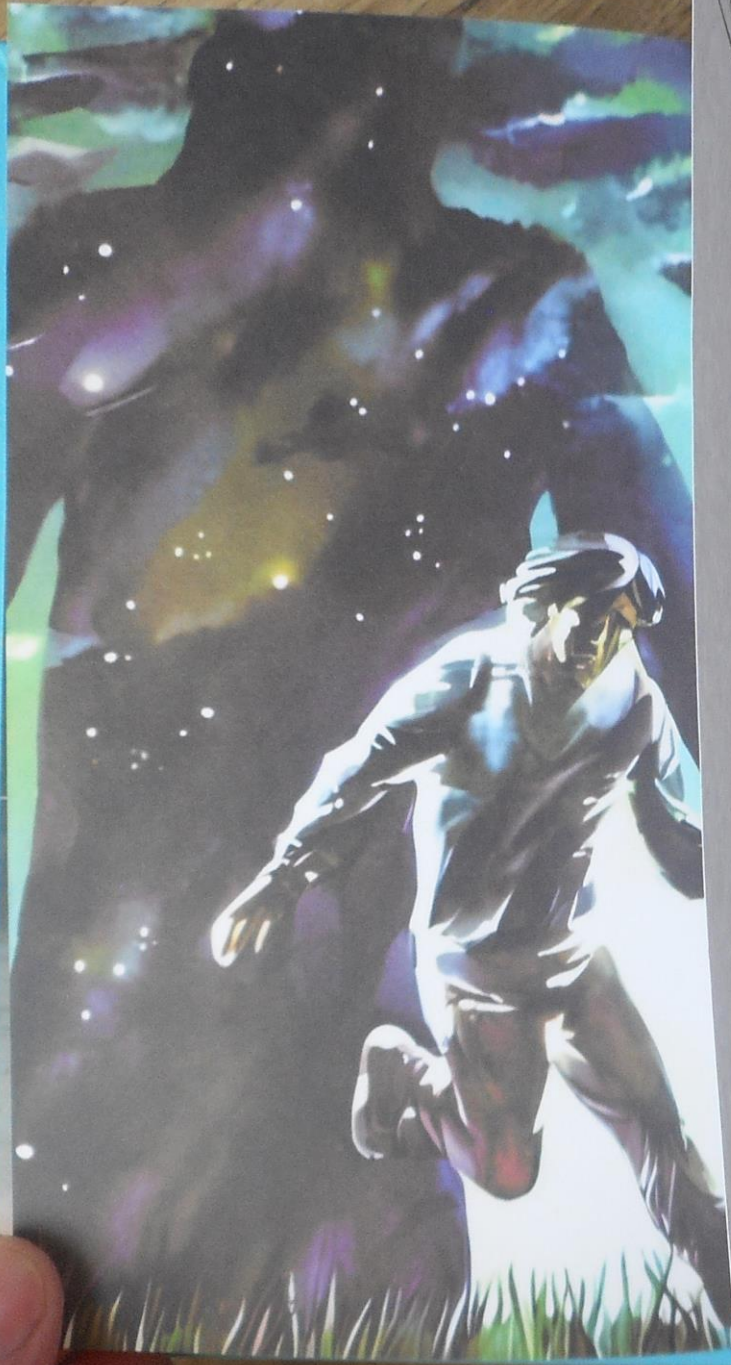
А. СТРУГАЦКИЙ
Б. СТРУГАЦКИЙ

МАЛЫШ

А. СТРУГАЦКИЙ
Б. СТРУГАЦКИЙ

МАЛЫШ

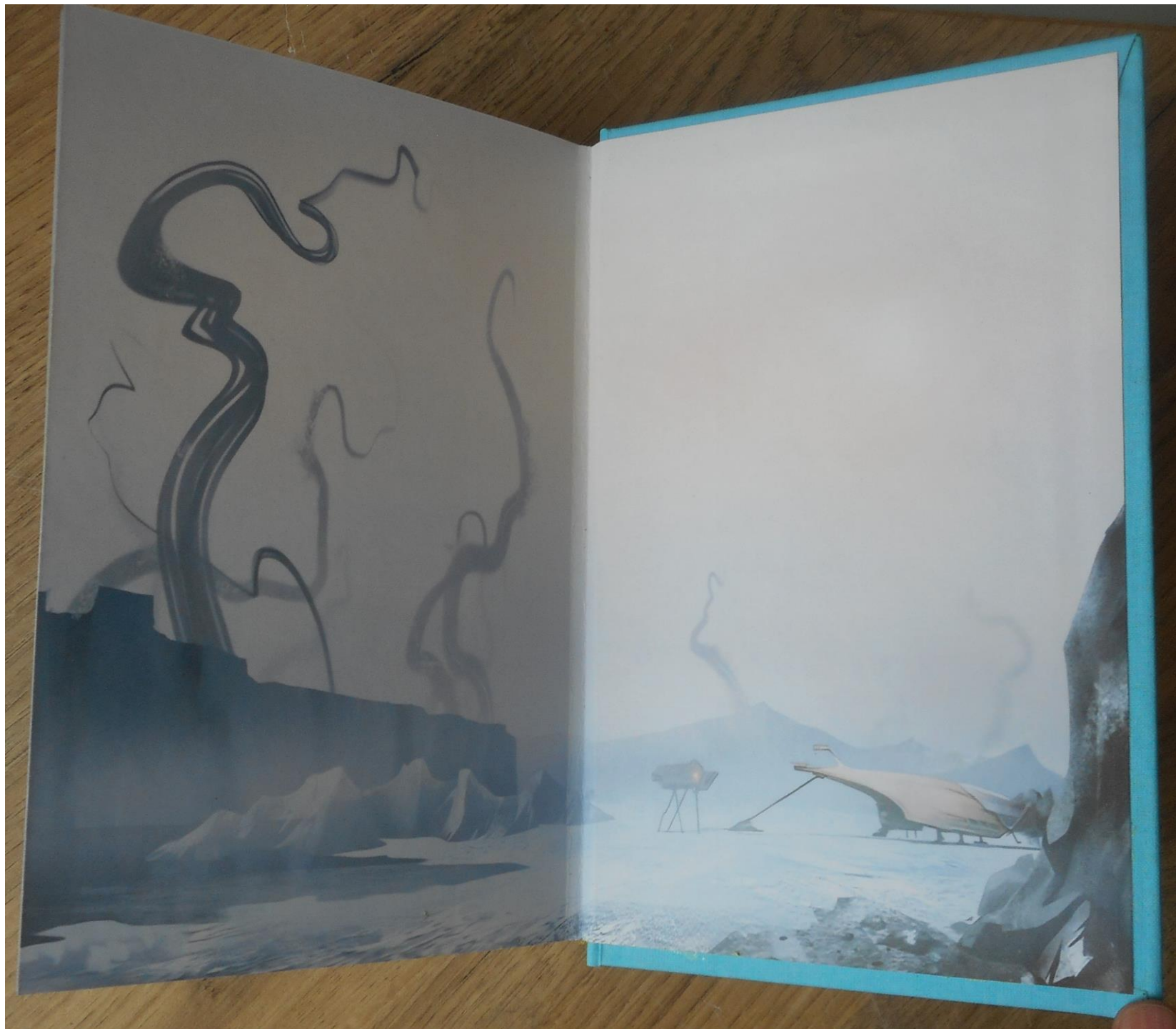
АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ,
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

МАЛЫШ

Фантастические повести

Москва
Судис
200

СОДЕРЖАНИЕ

МАЛЫШ

Фантастическая повесть

5

ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ

Фантастическая повесть

163

ВОЛНЫ ГАСЯТ ВЕТЕР

Фантастическая повесть

353

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Фантастическая повесть
(журнальный вариант)

503

Голшурин Александр

В очередной том собрания сочинений А. и Б. Стругацких включены знаменитые фантастические повести: «Мальш», «Вейник», «Волны гасят ветер».

В Приложении напечатана журнальная версия «Обитателя» («Нева», 1969 г., №№ 3-5) с иллюстрациями Б. Владиславского.

Использованы рисунки известных художников: Л. Рубинштейна, И. Тюльпанова, В. Старадымова, Э. Вальтера, А. Шеффера, Я. Ашмариной и других.

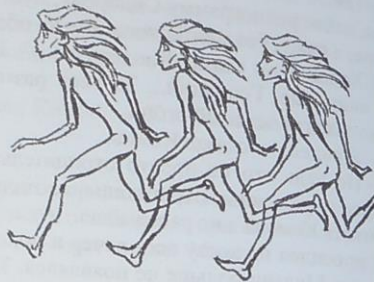
АРИАДИИ
СТРУГАЦКИЙ,
БОРИС
СТРУГАЦКИЙ

МАЛЫШ

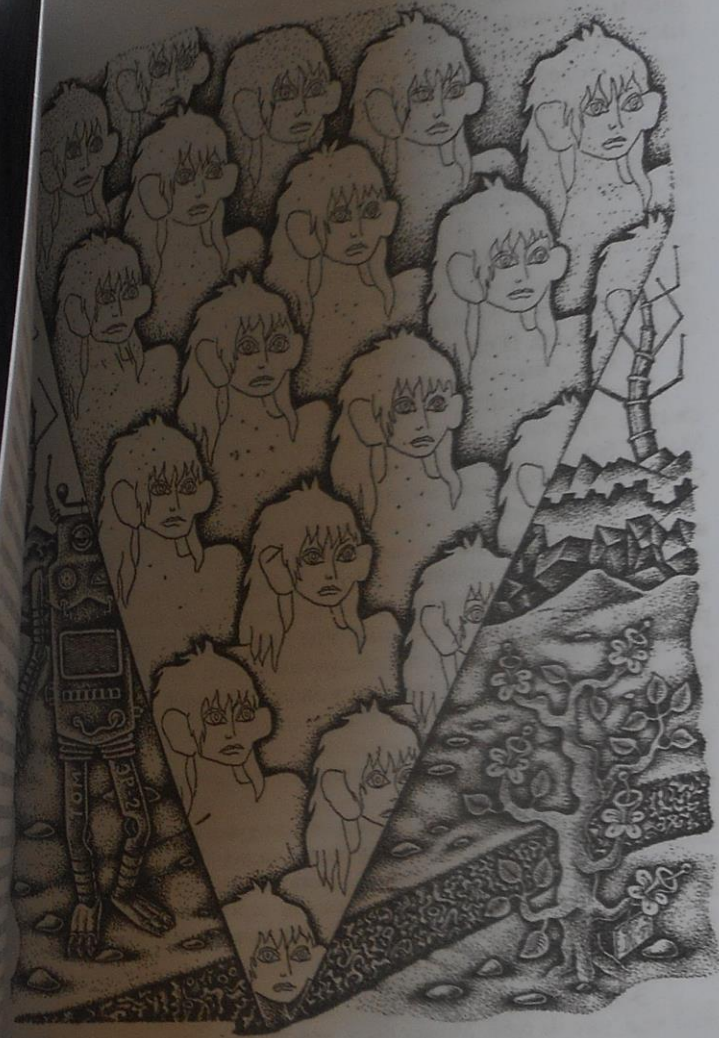
Глава 7

Вопросы и сомнения

ЗА завтраком Ковов был очень разговорчив. Ночью он, по-моему, совсем не спал, глаза у него были красные, щеки запали, но был он весел и возбужден. Он наливался крепким чаем и излагал нам свои предварительные соображения и выводы.

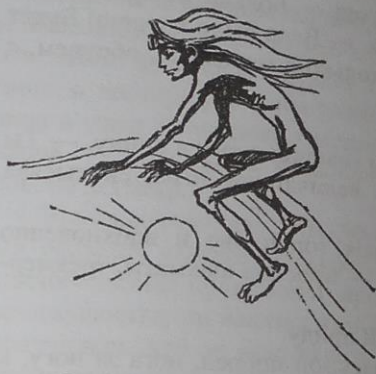
По его словам, теперь уже не было никакого сомнения в том, что аборигены подвергли организм мальчика самым коренным изменениям. Они оказались удивительно смелыми и знающими экспериментаторами: они изменили его физиологию и, частично анатомию, невероятно расширили активную область его мозга и снабдили его новыми физиологическими механизмами, которые на базе обычного человеческого организма способны развить современную земную науку. Представляется пока невозможным, чтобы эти анатомо-физиологические изменения развились на поверхности: аборигены попросту стремились приспособить беспомощного человеческого детеныша к совершенно нечеловеческим условиям существования в этом мире. Представляется вопросом, зачем они так серьезно занялись работой центральной нервной системы. Можно допустить, конечно, что это произошло у них случайно, как побочное следствие анатомо-физиологических изменений. Но можно допустить также, что они использовали резервы человеческого мозга целенаправленно. Тогда возникает вопрос: верен ли предположений. Например, стремились ли сохранить у Мальши все его младенческие воспоминания и впечатления, с тем чтобы облегчить ему обратную

Глава 8

Сомнения и решения

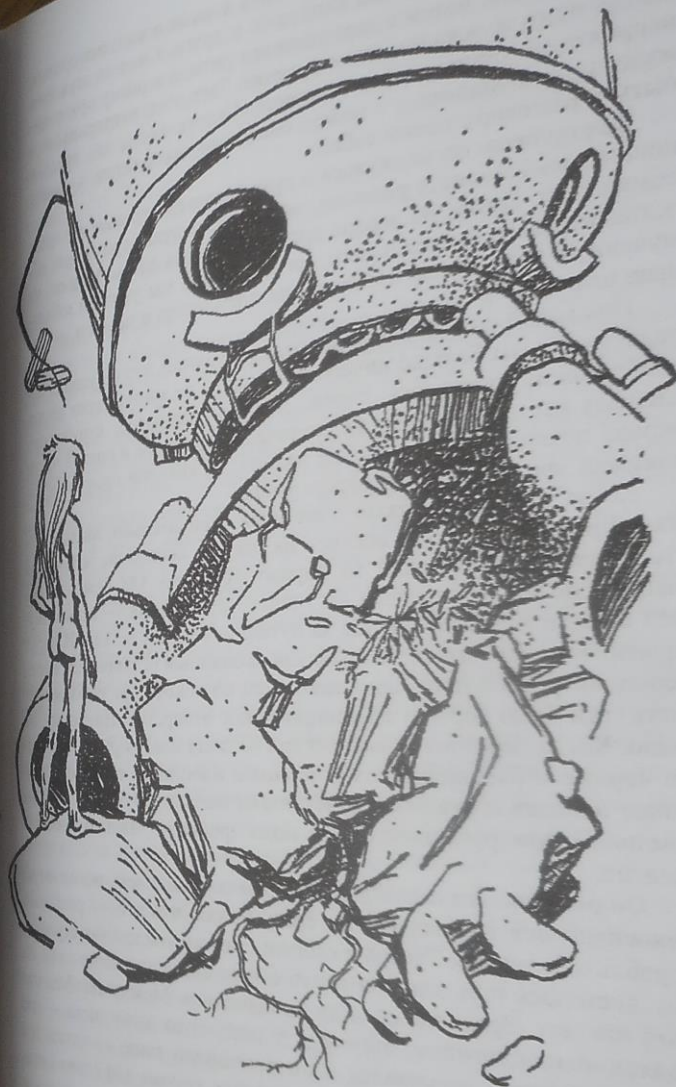

Мальш уходил от корабля на запад вдоль береговой линии, прямо через дюны и заросли. Сначала «третий глаз» интересовал его. Он останавливался, снимал обруч, вертел его в руках, и тогда у нас на первом экране мелькало то бледное небо, то голубовато-зеленое лицо-маска, то засыпанный белый песок. Потом он оставил обруч в покое. Не знаю, двигался ли он не так, как обычно,

или обруч надел не совсем правильно, но впечатление было такое, словно объектив смотрит не прямо по ходу, а несколько вправо. По экрану, подрагивая, проплывали однообразные дюны, озимые кусты, иногда возникали сизые горные вершины или появлялся вдруг черный океан со сверкающими айсбергами на горизонте.

По-моему, Мальш двигался без определенной цели — просто брел куда глаза глядят, подалее от нас. Несколько раз он поднимался на гребни дюн и смотрел в нашу сторону. На первом экране появлялись ослепительно белый конус нашего ЭР-2, серебристая лента посадочной полосы, оранжевый Том, одиозно приткнувшийся к стене недостроенной метеостанции. Но на обзорном экране Мальша мы так и не обнаружили.

Примерно через час Мальш вдруг резко свернул к горам. Теперь солнце било прямо в объектив — и видно стало хуже. Дюны вскоре кончились, Мальш брел по редколесью, перешагивая через сгнившие сучья, среди корявых стволов с отставшей пятнистой корой, по бурой, пропитанной ледяной влагой земле. Раз он вскарабкался на одинокий гранитный валун, постоял, оглядываясь,

Я немного погонял Тома по полосе, чтобы дать ему размяться. Том был польщен таким вниманием и преданно испрашивал приказаний. Потом подошла Майка с мячом, и мы, чтобы не замерзнуть, минут пять постукали — честно говоря, не без удовольствия. Я все надеялся, что Майка, по обыкновению, войдет в азарт, но и здесь — втуне. В конце концов мне это надоело, и я прямо спросил, что случилось. Она поставила мяч на рубчатку, села на него, подобрала доху и пригорюнилась.

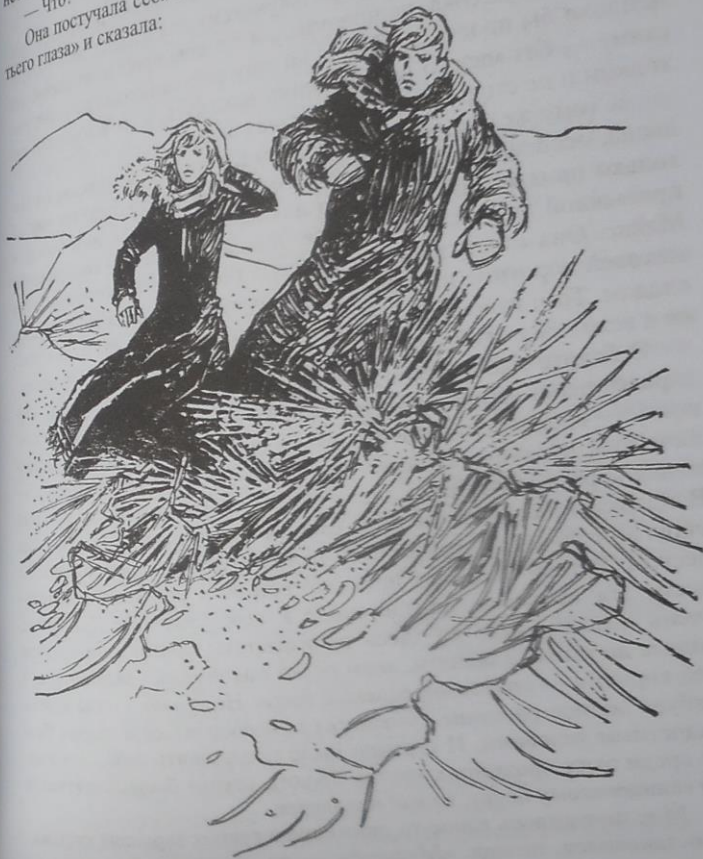
— В чем все-таки дело? — повторил я.

Майка посмотрела на меня и отвернулась.
— Может быть, ты все-таки ответишь? — спросил я, повисив голос.

— Ветерок нынче, — произнесла Майка, рассеянно оглядывая небо.

— Что? — спросил я. — Какой ветерок?
Она постучала себя пальцем по лбу рядом с объективом «третьего глаза» и сказала:

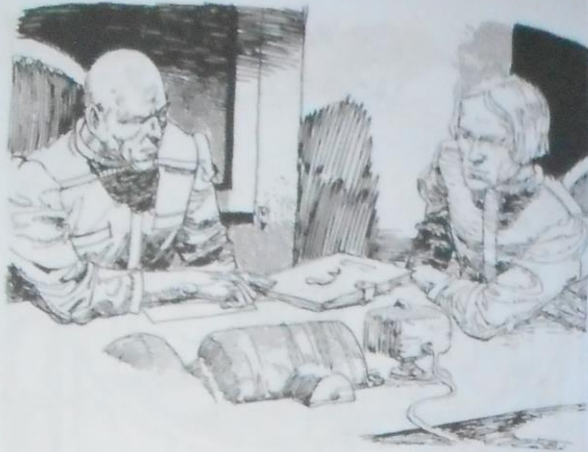

1 июня 78-го года
УЧИТЕЛЬ ЛЬВА АБАЛКИНА

Вопреки моим опасениям, усадьба «Комарики» ст-
ским обрыве над самой водой, открытая всем ветрам
комариков там не оказалось. Хозяин встретил меня бе-
и достаточно приветливо. Мы расположились на вера-
ных креслах у овального антикварного столика, на кот-
место миска со свиской малиной, кувшин с молоком
стаканов.

Я вторично извинился за вторжение, и вновь мо-
были приняты молчаливым кивком. Он смотрел на у-
койным ожиданием и как бы равнодушно, и вообще
было малоподвижное, как, впрочем, у большинства эл-
которые в свои сто с лишним лет сохраняют полную
ли и совершенную крепость тела. Лицо у него бы-
коричневое от загара, почти без морщин, с мощи
бровями, торчащими над глазами вперед, словно со-
кошарки. Забавно, что правая бровь у него был
справа, а левая — совершенно белой. Бровь, левая,

— Кого именно? — спросил я, чтобы вывести его из фиделического ступора.

— Льва Вячеславовича Абалкина, Прогрессора. Отбыл вчера на Землю с Полярной станции Саракша. На Земле не зарегистрировался. Надо его найти.

Он снова замолчал и тут впервые поднял на меня свои исландские, неестественно зеленые глаза. Он был в явном затруднении, я понял, что дело серьезное.

Прогрессор, не посчитавший нужным зарегистрироваться при возвращении на Землю, хотя и является, строго говоря, нарушителем порядка, но заинтересовать своей особой нашу Комиссию еще самого Экселенца, конечно же, никак не может. А между тем Экселенц был в столь явном затруднении, что у меня появилось ощущение, будто он вот-вот откинется на спинку кресла, вздохнув с каким-то даже облегчением и проворчит: «Ладно. Извини. Этим займусь». Такие случаи бывали. Редко, но бывали.

— Есть основания предполагать, — сказал Экселенц, — Абалкин скрывается.

Лет пятнадцать назад я бы жадно спросил: «От кого?» (с тех пор прошло пятнадцать лет, и времена жадных во многом миновали).

— Ты его найдешь и сообщишь мне, — продолжал Экселенц, — Никаких силовых контактов. Никаких контактов.

— говорит Шекс, — вы провактор. Некий человек убывает для работы в условиях беспрецедентных температурных перепадов, а в свою очередь терпит большие трудности на сорке, преимущественно галого асфальта. Он одновременно вырезан в том процессе, который называется «Дарителем Губоки».

Он мурлыкал надут по коже, а я еще не слышал, чтобы Шекс в таком странным слогом. Не я отучило руку, и пальцы мои на большую лобастую голову, делала нормное подрагивание тремингу уха. Бесстрашный Шекс из-за бесстрашный Шекс прижимается ноги совершенно так же, как предки прижималась к ногам своих мам, учуя за порогом пещеры некое и опасное.

— Два нет. — говорит он с отчаянием. — Я не умею понять. Всегда бы так это. Они все ушли туда, а два нет, никто не вернулся. Мы должны туда идти!

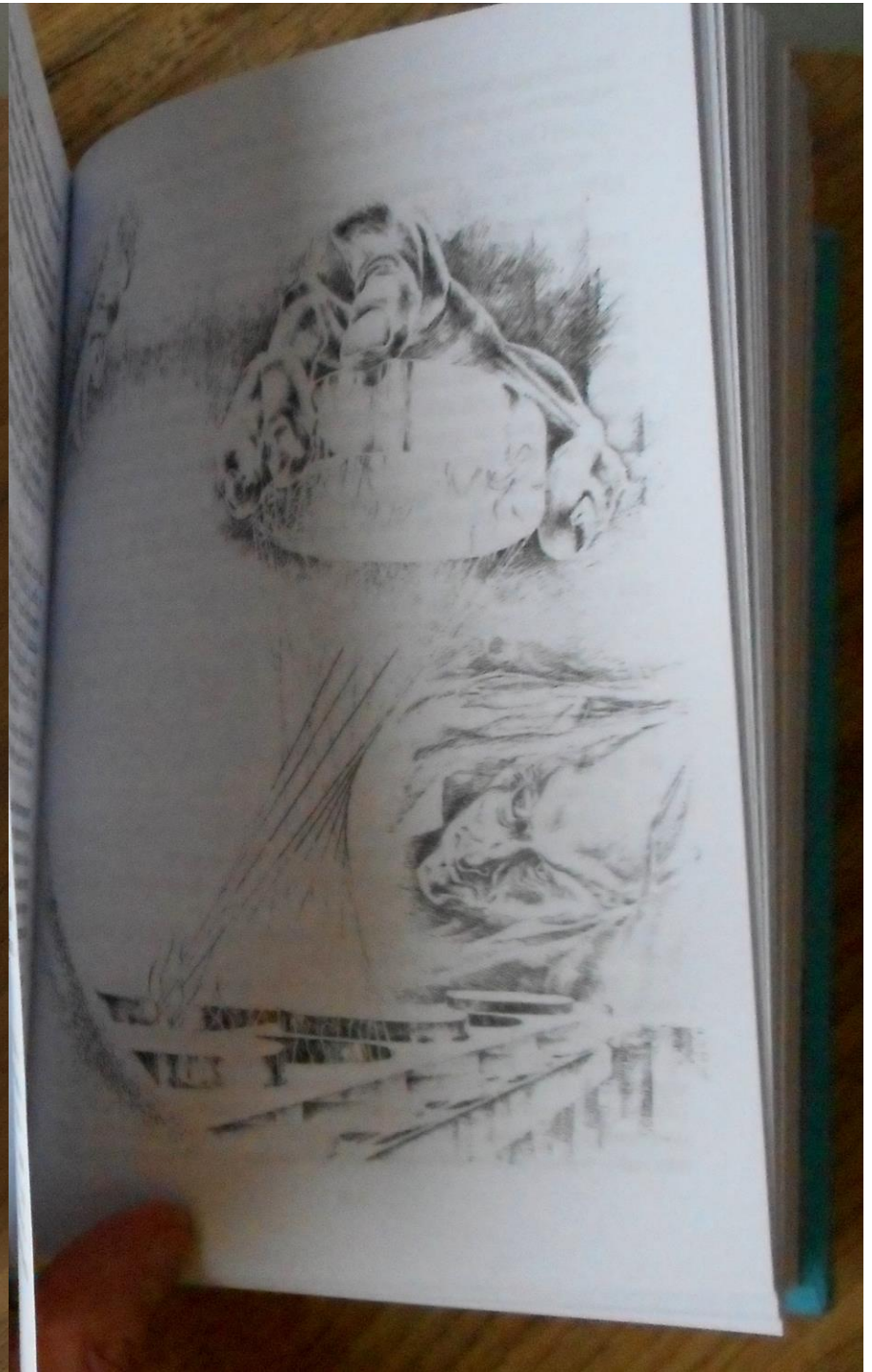
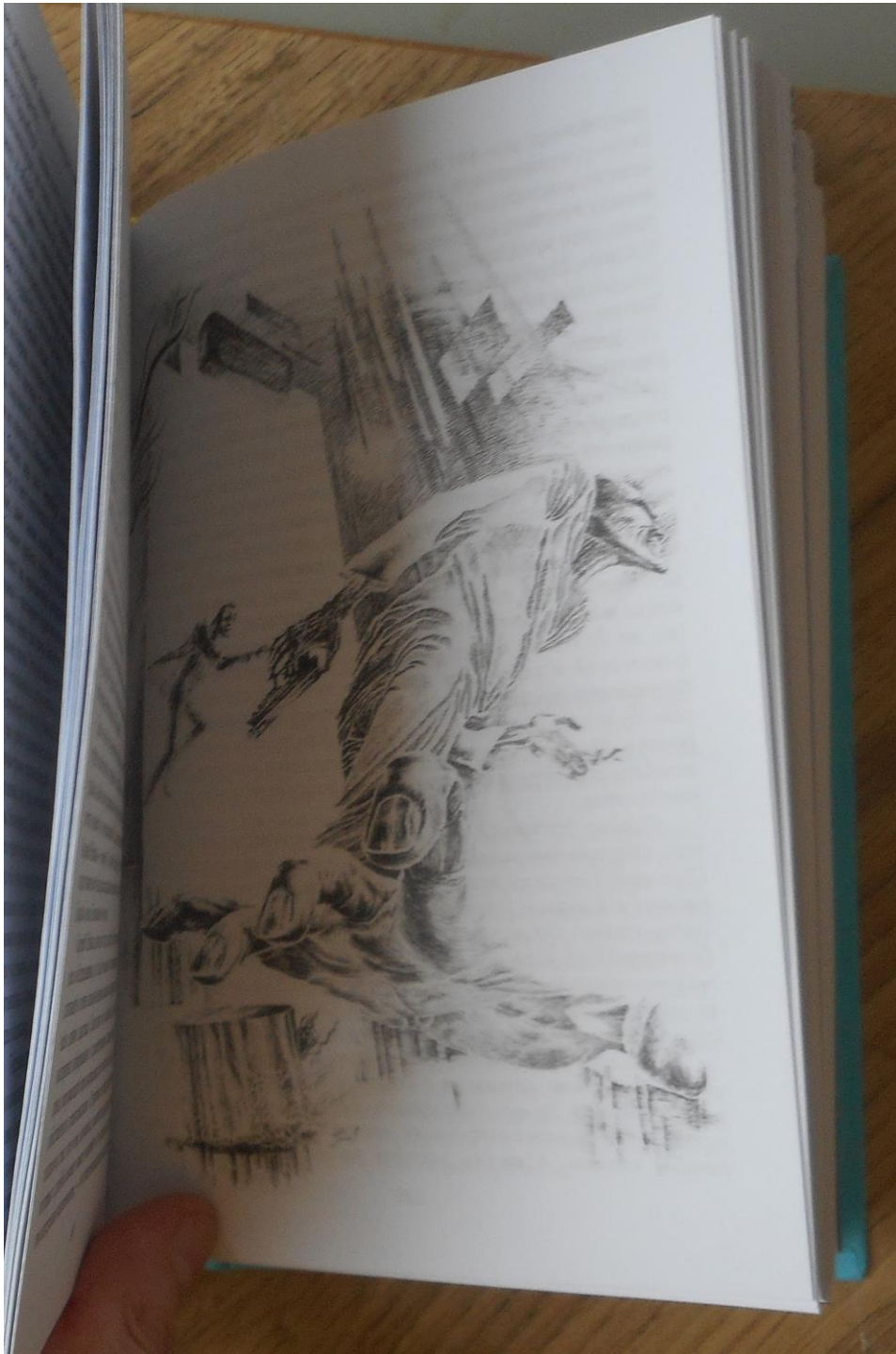
Я отосматривался на корточках и обвинял его за это.

— Я не вижу здесь юм, — говорю я на языке гилованов. — Я вижу только ровный прямоугольник асфальта.

Шекс тяжело дышит. Все мускулы его напряжены, и он все теснее прижимается ко мне.

— Ты не можешь видеть, — говорю я. — Ты не умеешь. Четыре лест-

4 июня 78-го года
ЛЕВ АБАЛКИН У ДОКТОРА БРОМБЕРГА

Они утомнились разом, одновременно, как будто временно иссякли последние остатки энергии. Заметила, стали сверлить друг друга огненными взорами. Бромберг, вытаскивая старомодный носовой платок и прижимая его к лицу и шее. Экселенц, не глядя на него, полез за пазухой — не за пистолетом ли, извлек капсулу, выкатил белый шарик и положил его под язык, а капсулу проглотил.

— И не подумаю! — заявил Бромберг, демонстрируя шарик.

Экселенц продолжал протягивать ему капсулу. Бромберг, как петух, посмотрел на нее. Потом сказал с пафосом:

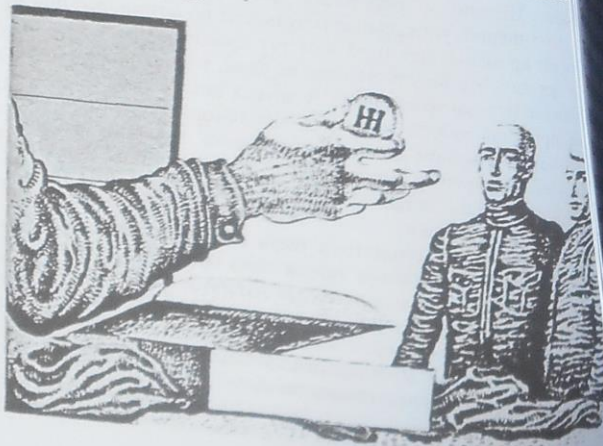
— Яд, мудрецом тебе предложенный, возьми, изружь, как не принимай бальзама...

Он взял капсулу и тоже выкатил себе на ладонь белый шарик.

— Я в этом не нуждаюсь! — объявил он и кинул шарик.

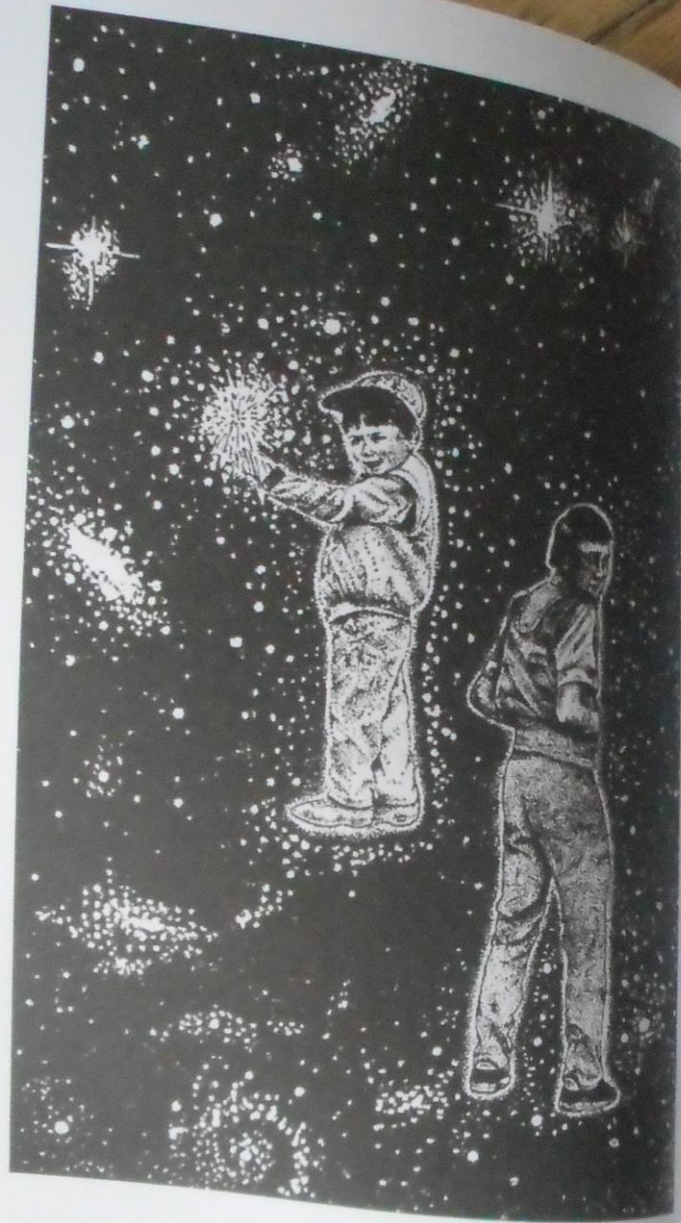
— Пока еще не нуждаюсь...

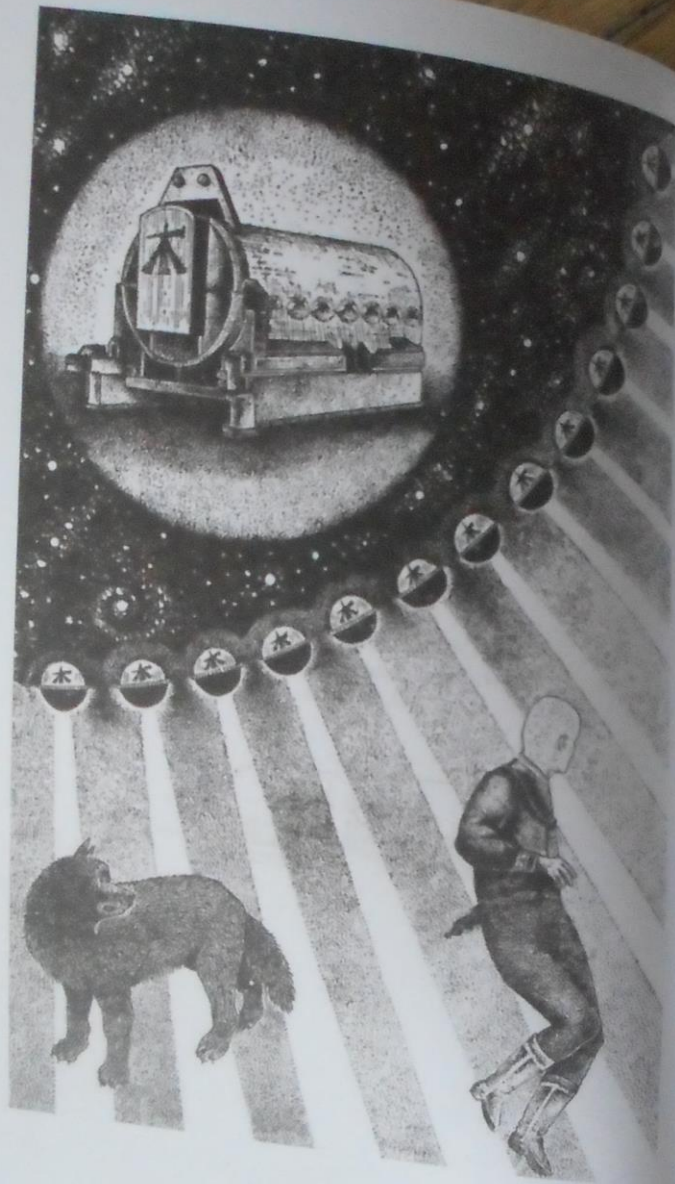
— Айзек, — сказал Экселенц и причмокнул, — что вы будете делать, когда я умру?

И СТРУГАЦКИЙ
С СТРУГАЦКИЙ
ОЛНЬ!
АСЯТ
ЕТЕР

Антарктиды. Дежурный успокоил его в том смысле, давших нет, супруги Ярыгины живы и здоровы и ятно, в Малую Пешу можно будет вернуться, а толию Сергеевичу, лучше всего принять что-ниное и лечь отдохнуть.

И Анатолий Сергеевич принял успокоитель: штабе прикорнул на диване, но не проспал и чдел текущие глаза над перилами веранды, услыхохот Эли, и проснулся от невыносимого стыда.
— Нет, — сказал Анатолий Сергеевич, — меня. Видно, поняли мое состояние... Никогдмной может такое случиться. Я, конечно, не Сгрессор... но и у меня в жизни были острые чшло. Пытаюсь объяснить это самому себе, и улучается... Словно наваждение какое-то... у глазами — Вот сейчас говорю с вами, а виМовет, мы все здесь чем-нибудь отравились?

— Вы не допускаете, что это была галлюцТойво.

Анатолий Сергеевич зябко передернул плесторону ярыгинского коттеджа.

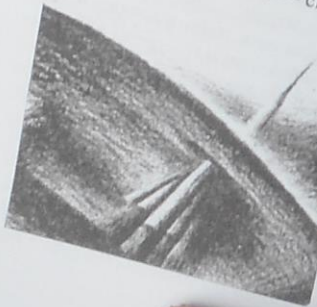
— Н-не знаю... — проговорил он. — Нет,

— Ладно, пойдёмте посмотрим, — предло

— Мне с вами? — спросил Базиль.

— Не обязательно, — сказал Тойво. — Ядить туда-сюда. А вы держите крепость.

— Пленных брать? — спросил Базиль дело

Тойво. —
ны. Все, кт
видел своим
И они с
евичем дви
щадь. Ана
вид имел р
ловой, но ч
ходил к дом
нес станови
ственнее вь

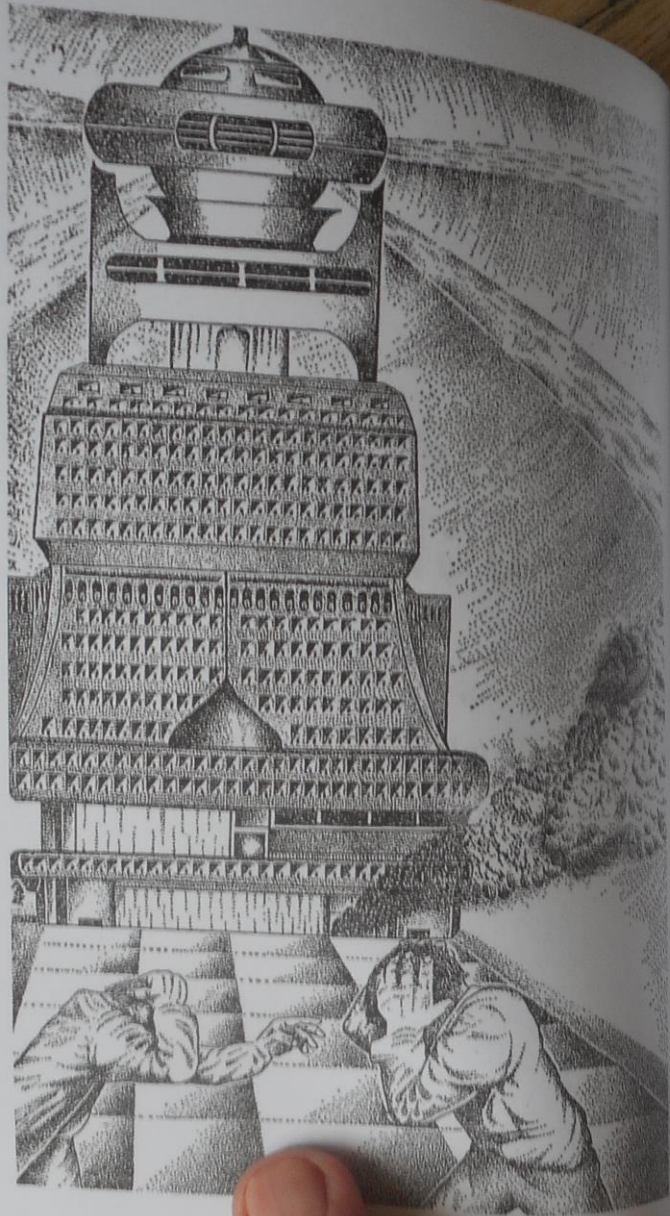

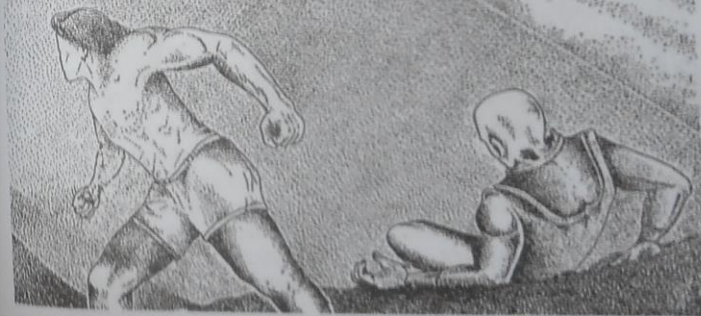
ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

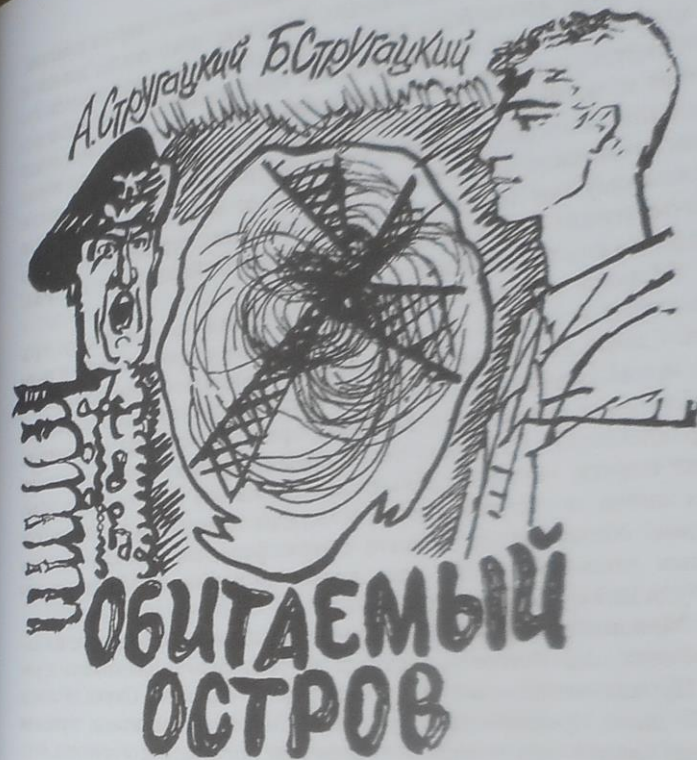
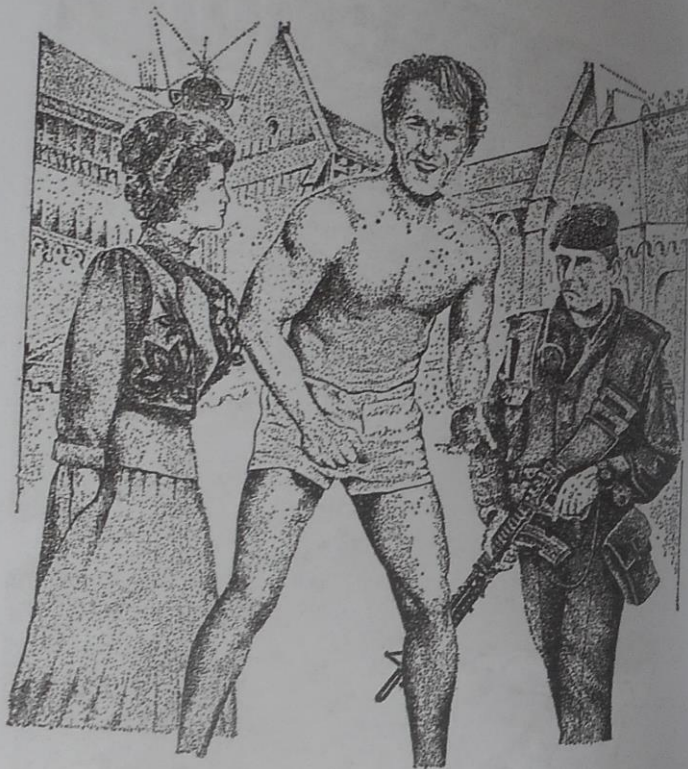
Фантастическая повесть
(Журнальный вариант)

Рисунки Б. Власова, В. Старадымова
Я. Ашмариной

ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Максим приоткрыл люк, высунулся и опасливо поглядел на небо. Небо здесь было низкое и какое-то твердое, без этой легкомысленной прозрачности, намекающей на бездонность космоса и множественность обитаемых миров, — настоящая библейская твердь, гладкая и непроницаемая. Твердь эта, несомненно, опиралась на могучие плечи местного Атланта и равномерно фосфоресцировала. Максим посмотрел в зените дыру, пробитую кораблем, но дыры там не было. Всплывали только две большие черные кляксы, слепившиеся в воде. Максим распахнул люк настезь и соскочил на траву.

ним, глядя на его ноги в мягких мокрых сапогах. Они углубились в лес и принялись ходить, описывая круги и сложные петли, постепенно приближаясь к какому-то жилью, до которого от полянки напрямик было совсем близко. Потом сопровождающий решил, что он достаточно запугал Максима, и полез напрямик через бурелом, причем, как человек городской, производил много шума и треска, так что Максим даже перестал слышать шаги того человека, который крался следом.

Когда бурелом кончился, Максим увидел за деревьями лужайку и покосившийся бревенчатый дом с заколоченными окнами. Лужайка заросла травой, но Максим видел, что здесь ходили — и совсем недавно, и давно. Ходили осторожно, стараясь каждый раз подойти к дому другим путем. Сопровождающий открыл скрипучую дверь, и они вошли в темные затхлые сени. Человек, который шел следом, остался снаружи. Сопровождающий отвалил крышку погреба и сказал: «Идите сюда, осторожнее...» Он плохо видел в темноте.

Максим спустился по деревянной лестнице. В погребе было тепло, сухо, здесь были люди, они сидели вокруг деревянного стола и смешно тарачились, пытаясь разглядеть Максима. Пахло свежепогашенной свечой. По-видимому, они не хотели, чтобы Максим видел их лица. Максим узнал только двоих: Орди, дочь старой Илли Тадер, и толстого Мемо Грамену, сидевшего у самой лестницы с пулеметом на коленях. Вверху тяжело грохнула крышка люка, и кто-то сказал:

— Кто вы такой? Расскажите о себе.

— Можно сесть? — спросил Максим.

— Да, конечно. Идите сюда, на мой голос. Наткнетесь на скамью.

Максим сел за стол и обвел глазами соседей. За столом кроме него было четверо. В темноте они казались серыми и плоскими, как на старинной фотографии. Справа сидела Орди, а говорил плотный широкоплечий человек, сидевший напротив. Он был неприятно похож на лейтенанта Чачу.

— Рассказывайте, — повторил он.

Максим вздохнул. Ему очень не хотелось начинать знакомство прямо с вранья, но делать было нечего.

— Своего прошлого я не знаю, — сказал он. — Говорят, я — горец. Может быть. Не помню... Зовут меня Максим, фамилия — Ростиславский. В Легионе меня звали Мак Сим. Помню себя с того момента, когда меня задержали на южной границе...

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

МАЛЫШ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

А.СТРУГАЦКИЙ
Б.СТРУГАЦКИЙ

МАЛЫШ

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ
МАЛЫШ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
М

А. СТРУГАЦКИЙ
Б. СТРУГАЦКИЙ

МАЛЫШ

